

Царь-Фараон

Александр Кибовский

При атрибуции портрета кропотливый труд исследователя вознаграждается биографией персонажа, в которой зачастую отражается вся его историческая эпоха. Конечно, как непредсказуем сам результат поиска, так и на картине в итоге может оказаться кто угодно. Например, почтенный служака с прямой, как шпага, военной биографией. Или молодой аристократ, по протекции сделавший гвардейскую карьеру. А может быть, и просто уездный дворянин, лишь ненадолго надевший мундир. Но иногда встречаются занятные персонажи с совершенно оригинальной судьбой, в которой героическое и комическое смешаны самым причудливым образом.

В декабре прошлого года в Германии на электронных торгах аукционного дома Kunstauktionshaus Schloss Ahlden появилась интересная акварель. На ней изображён пожилой мужчина с военной выправкой в русском генеральском мундире. Отсутствие эполета означает, что храбрый ветеран находится в отставке. При этом его награды сразу вызвали большой интерес у специалистов. На шее генерала мы видим голубой крест прусского военного ордена «За заслуги» (Pour le Mérite), ниже которого выпущены по борту мундира кресты российских орденов Святой Анны 2-й степени, украшенный

алмазами, и Святого Владимира 3-й степени. На груди австрийский военный орден Марии-Терезии, российский орден Святого Георгия 4-й степени, баварский военный орден Максимилиана-Иосифа, французский орден Святого Людовика, голландский военный орден Вильгельма, ещё один неясно изображённый крест на красной ленте и серебряная медаль в память Отечественной войны 1812 года.

Ниже этого интернационала приколот прусский Железный крест. Но поскольку на груди нет Железного креста 2-го класса, то это не может быть знак 1-го класса. Следовательно, это так называемый Кульмский крест — знаменитая награда,

пожалованная королём Фридрихом-Вильгельмом III русским гвардейцам, выстоявшим 29 августа 1813 года против подавляющих французских сил в битве при Кульме. Левая рука генерала сжимает эфес шпаги — очевидно, русского наградного золотого оружия с надписью «За храбрость».

Портрет имеет авторскую дату «1845 год» и инициалы J.L. — так подписывал свои произведения в середине XIX века работавший в Австрии художник, чьё имя, к сожалению, не сохранилось. Наличие практически всех боевых европейских орденов вызвало неподдельный интерес к личности столь заслуженного воина. Но никто из русских генералов не имел такого

Отставной генерал-майор Жан-Батист-Луи барон де Кроссар. Вена, 1845 год
Монограммист J.L. Бумага, акварель. 20,5 x 16,5 см. Собрание С. и Т. Подстаницких. Ранее: Портрет неизвестного генерала

эксклюзивного набора наград. Особенно удивлял голландский военный орден Вильгельма 3-го класса. До 1845 года его лишь два раза вручали русским офицерам, которыегодились нашему герою в сыновья.

Но и остальные награды вызывают размышления. Крест «Анны на шее» соответствует образцу, существовавшему до 1815 года. Затем

орденов. Поиск оказался непростым. Но в конце концов, после сравнения разных списков, моя версия полностью подтвердилась. Обладателем всех изображённых боевых наград оказался лишь один человек — Жан-Батист-Луи барон де Кроссар.

Трудно рассказывать биографию этого героя в силу противоречивости свидетельств. С одной стороны — череда боевых походов, множество наград, генеральский чин, шесть томов мемуаров, изданных ещё при жизни. С другой — насмеш-

ки сослуживцев, признававших личную храбрость барона, но совершенно отказывавших ему в военных талантах.

Жан-Батист-Луи барон де Кроссар (Jean-Baptiste-Louis de Crossard) родился 8 июля 1765 года в Пуатье. Окончив в 1784 году Артиллерийскую школу в Меце, он служил су-лейтенантом морской артиллерии. Не приняв французскую революцию, барон в 1791 году эмигрировал и поступил лейтенантом в голландскую армию. Как штабной офицер он в 1793 и 1794 годах участвовал в войне против Франции. Но после поражения и захвата Нидерландов французами барону пришлось бежать. По-

скольку устроиться в британскую армию ему не удалось, Кроссар в 1796 году вынужден был поступить к австрийцам простым кадетом в драгунский конвой при штабе. Храбростью в сражениях с французами на Рейне в 1796 и 1797 годах он обратил на себя внимание и быстро получил чин обер-лейтенанта штабной службы. В 1799 году в рядах австрийских войск барон совершил знаменитую Итальянскую кампанию против французов под командованием великого Суворова и в победном сражении при Нови был ранен пулей в грудь.

В следующем, 1800 году Кроссар участвовал в осаде крепости Генуя. Затем в ноябре и декабре он отличился в сражениях в Северной Италии, заслужив чин капитана и орден Марии-Терезии.

Кавалерский крест австрийского военного ордена Марии-Терезии

Последняя награда была исключительной. Достаточно сказать, что император Франц II за славные подвиги в Италии прислал Суворову для русских офицеров всего шесть таких крестов, а в дальнейшем за все битвы и походы 1813–1814 годов их получили только 30 русских генералов, включая царя Александра I. Не удивительно, что орден Марии-Терезии обеспечил Кроссару уважение в разных армиях.

После Амьенского мира Кроссар вышел в отставку. Но как только в 1805 году Австрия снова начала войну против Франции, он вернулся в строй и стал свидетелем разгрома 2 декабря при Аустерлице. В 1807 году он продолжил свою борьбу с Наполеоном волонтером в русской армии в битве при Прейсиш-Эйлау. Вернувшись в Австрию, он получил чин майора и был тайно отправлен в 1808 году военным советником в Испанию, где участвовал в сражениях с французами при Медельине и Талавере. После разгрома испанской армии при Оканье 19 ноября 1809 года Кроссар вернулся

в Вену, где был произведён уже в подполковники.

Как только в июне 1812 года войска Наполеона вторглись в Россию, Кроссар поспешил в главную квартиру русской армии. Если верить мемуарам барона, то именно он убедил Кутузова оставить неудачную позицию под Москвой, придумал тарутинский марш-маневр, выбрал линию обороны при Малоярославце и так далее. Казалось бы, имя такого стратега следует золотыми буквами вписать в историю Отечественной войны 1812 года...

Но тут самое время узнать мнение о Кроссаре его сослуживцев, насмешливо прозвавших барона «Царь-Фараон». Поэт и офицер Константин Батюшков писал: «В армии встречаешь много карикатур, но подобной Кроссару не всякому удастся встретиться». Ему вторит прапорщик Николай Дурново: «Не знаю, каковы его заслуги: в нём по меньшей мере много вульгарного». Самый же развёрнутый портрет Кроссара дал в своих записках поручик Николай Муравьев — будущий кавказский наместник, известный как Муравьев-Карский.

Все свидетельства заставляют осторожно относиться к мемуарам

Кроссара, искренне завышавшего свою значимость. Тем не менее в 1814 году после взятия Парижа и реставрации Бурбонов барон оказался очень кстати. Он уволился из русской армии и был принят Людовиком XVIII лагерным маршалом (maréchal de camp — аналог первого генеральского чина бригадного генерала). Долгое время Кроссар командовал 6-й дивизией 10-го военного округа в Тулузе. После Июльской революции 1830 года он вышел в отставку и уехал в Вену, где умер 13 марта 1845 года. Возможно, акварель является его посмертным изображением in memoriam. ▼

Главнокомандующий Отдельным Кавказским корпусом и кавказский наместник генерал-адъютант Николай Николаевич Муравьев-Карский. Карс, 1855 год. Литография В. Ф. Тимма по рисунку с натуры Г. Корadini

ИЗ ЗАПИСОК НИКОЛАЯ МУРАВЬЁВА:

«Опишу здесь личность необыкновенного чудака, явившегося в нашу армию... Кроссар явился к нам в армию в странной одежде. Мундира он ещё не имел; он был в шубе, в ямских рукавицах и в какой-то смешной шапке. В сём одеянии явился он на форпосты, где казаки сочли его за неприятеля, взяли в плен, говорят, побили плетью и представили обратно в главную квартиру; по крайней мере, так рассказывают... Он был замечательной храбрости, но не в состоянии ничем управлять, и был помешан на военном искусстве в больших размерах (sur les grandes operations militaires, как он сам говорил). Он имел австрийский крест Марии-Терезии, который нелегко достаётся, был весь изранен, век свой провёл на войне и для того переходил из одной службы в другую. Когда военные действия останавливались, то Кроссар становился печален, угрюм. Он был так малообразован, что едва ли умел различить на карте селение от реки. Деятельность его была беспримерная, вечно верхом, никогда почти не спал, ездил на маленьких клячах, которых офицеры на переходах, забавляясь, исподтишка приучали лягаться. Кроссар воображал себе, что командует всей армией, имел много знакомых, шутил довольно остро и был причуден в речах своих. Он себе приписывал все выигранные сражения, а о проигранных говорил:

— Я их предупреждал, я им говорил. Они не захотели последовать моим советам и теперь наказаны... Он издерживал много денег, не жалея их для потчевания товарищей, а сам жил свиньёй... Когда он бывал дома, то постоянно ходил в одной рубашке и брился по два раза в день, намазав прежде всё лицо мылом... Наружность его была смешная: ростом мал, волоса как смоль чёрные, несколько толст, лыс, зубы белые, как у собаки, глаза совсем красные. При смуглом цвете лица, он много походил на цыгана, всегда в треугольной шляпе с обвислыми при дожде полями, от чего она тогда принимала вид шляп, употребляемых на похоронах факельщиками: поля бились ему по глазам, но он от того не переставал всюду скакать и только брался на поля, закрывавшие ему зрение. Вся одежда его была в таком же роде. Он состоял при великом князе Константине Павловиче, который его охотно держал при себе и часто за шуту употреблял. При всем этом Кроссар получил за Лейпцигское сражение Георгиевский крест, вскоре после того Анну с бриллиантами, Владимира на шею. Но он всегда жаловался, что его по службе обижают наградами. Наконец, по окончании войны, его спланировали во французскую службу генерал-майором. Неприятно было видеть преимущества, коими пришел этот воспользовался в нашей службе».

